

**ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ**

4

|

1971

Дискуссия по проблемам этики

В ноябре 1970 года четверо советских философов — двое из Института философии АН СССР (Л. П. Митрохин и О. Г. Дробницкий) и двое из Московского университета (Ю. К. Мельвиль и А. С. Богомолов) находились в Англии с целью продолжения дискуссии с британскими философами, начатой два года назад. Как и предыдущие, эта поездка была организована Союзом советских обществ «Дружба» и британским Обществом Друзей (квакеров).

Наше пребывание в Англии включало четыре дня дискуссии по взаимно согласованной программе в загородном клубе Плу Хэтч Холл (близ Ист-Гринстэда), затем посещения университетов Сассекса, Оксфорда и Лондона, встречи и беседы с большим числом британских философов. Нашими оппонентами в дискуссии были Дэвид Белл (университет Глазго), Стивен Люкс и Алан Райан (Оксфорд), Филип Грер (университет Килл, Стэффордшир) и Джеральд Коуин (университетский колледж Лондона). Кроме того, в Плу Хэтч Холл на один день приехал из Оксфорда Ричард Хеар, один из главнейших представителей аналитико-лингвистической этики, долгое время господствовавшей в британских университетах. Узнав из отчетов о содержании наших предыдущих бесед и споров¹, он пожелал лично участвовать в дискуссии с советскими философами (и получилось так, что первый день обсуждения был целиком посвящен полемике с ним).

Дискуссия по общей теме «Моральные ценности и социальное развитие» охвати-

вала множество разнообразных вопросов и была вместе с тем логическим продолжением споров, происходивших до этого. Особенностью нашей третьей встречи было то, что теперь мы все не только хорошо представляли себе суть принципиальных расхождений между марксистской позицией и позитивистско-аналитической традицией в этике, но и после многократного уточнения отстаиваемых положений и возникших разногласий прекрасно понимали друг друга и логику аргументации каждой из сторон. Если к этому добавить то обстоятельство, что часто нам приходилось говорить без переводчика (хотя, по соглашению, каждая из сторон должна была выступать на своем языке), то станет понятным, что наш теоретический контакт на этот раз имел еще более непосредственный, живой и продуктивный характер.

Пока еще рано подводить окончательные итоги наших дискуссий (мы ожидаем, что в этом году английские философы вновь придут в нашу страну, чтобы продолжить неоконченный спор). Можно выделить некоторые наиболее острые моменты в ходе обсуждения, в основном связанные с вопросом о практической, социальной и личностной значимости философии морали.

Точка зрения аналитической этики (которую проводил, например, Р. М. Хеар) на эту проблему, в общем, сводится к следующему. Философия морали может лишь прояснить людям смысл тех нравственных вопросов, которые возникают перед ними в жизни, то есть уточнить понятия, отличить собственно моральные вопросы от каких-то иных (политических, экономических, технических, эстетических), прояснить логику морального рассуждения, иначе говоря, дать людям «инструменты» для обсуждения проблем, решать которые они могут только сами. Последний момент

¹ Отчеты о предшествующих дискуссиях по философии морали, происходивших в 1968 году в Англии и в 1969 году в Тбилиси, опубликованные в «Вопросах философии» (1969, № 2, и 1970, № 5), были переведены Обществом Друзей на английский язык.

имеет для аналитической этики принципиальное методологическое значение. Предполагается, что то или иное решение нравственной проблемы, принятое человеком той или иной моральной позиции не могут иметь достаточных объективных и научных оснований (при знании всех «фактов» выбор принципов остается делом личного усмотрения). Каждый должен решать «свои» проблемы для себя лично, считая, что это только его собственное решение, хотя и «универсализуемое» (он готов признать возможность для всех других занять такую же позицию — вариант кантовского категорического императива), но не имеющее обличающего или предпочтительного значения для кого-либо еще. В морали вообще нет «правильных» решений и выборов, однозначно вытекающих из каких-либо объективных оснований, и потому философия морали, будучи наукой, не должна содержать (или обосновывать) нравственные высказывания.

Советские философы, признав важность методологической, логической, формально-технической задач этики как науки, стремились показать, что практическое значение философии морали может быть гораздо более широким. Конечно, в историческом масштабе нравственные проблемы бытия человека, общественной жизни решаются в конечном счете не теоретиками-философами, а всеми людьми, коллективно-совместно, классами и каждым для себя лично. Но эти «решения» (если речь идет о формировании оощезначимых нравственных норм и принципов) имеют вполне определенные основания — объективные потребности социальной жизни, необходимость согласования поведения людей, возможность дальнейшего развития общества, в конечном итоге законы движения истории. И если даже всякий раз индивидуальное решение (скажем, выбор принципа) является делом и ответственностью каждого отдельного человека, то задача, вменяемая моралью личности, состоит не в выяснении ее субъективного предпочтения, а в том, чтобы совершить правильный выбор, имеющий столь же обязующее значение для всех остальных людей. Моральные принципы «универсализуемы» отнюдь не только в смысле допущения некоторой формальной возможности (все могли бы практиковать исповедуемый мною принцип, но столь же правомерно могут предпочесть иные принципы, считая их возможными для других). Такая интерпретация нравственной проблемы, в сущности, противоречит и логике морального требования (его общеобязательности и ответственности человека за правильность выбора) и социально-исторической функции нравственности, которая является прежде всего общественным

институтом, призвана согласовывать действия множества людей. Моральные принципы «универсализуемы» в смысле реальной возможности, потребности и необходимости для людей вырабатывать всеобщие нормы поведения. Конфликт классовых систем морали как раз и разыгрывается вокруг вопроса о том, какая из них является исторически правомерной во всемирном, общечеловеческом масштабе (а не просто предпочтительной для кого-либо лично или в рамках отдельной социальной группы).

Итак, философия морали может иметь практическую значимость не только в формально-методологическом, но и содержательно-нравственном значении в том лишь случае, если она, во-первых, рассматривает нравственность не просто как область чисто личных вопросов того или иного индивида, а как общественный институт, выполняющий вполне определенные социальные функции; во-вторых, не ограничивается чисто формальным анализом морального языка, а включает в свое рассмотрение общие законы развития человеческого общества, исторические потребности социальной жизни и реальные механизмы нравственности, отражающей эти законы и отвечающей этим потребностям; в-третьих, исходит из возможности научного объяснения, выведения, обоснования и критики моральных позиций и суждений.

Замечу, что в ходе полемики с Р. М. Хеаром некоторые из английских философов кое в чем были склонны согласиться с нами и, со своей стороны, подвергли сомнению, если не критике, иные из его положений. В конце концов в споре создалась такая «угловая» ситуация, когда влиятельный философ, обладающий прямотакти виртуозной техникой аргументации, вынужден был уклоняться от прямых ответов и контраргументов, будучи вплотную «осажден» своими оппонентами. Вспоминается, что два года назад мы слышали от англичан, будто британские философы морали делятся по принципу, кто за и кто против Хеара. Несколько иное положение сейчас, когда позиция Р. М. Хеара многими считается устаревшей и все чаще подвергается критике. В этих условиях тем более важно, что концепция лингвистической этики, олицетворением которой по-прежнему является для многих лично Р. М. Хеар, была противопоставлена марксистская позиция, аргументированная критика формализма и позитивные решения, встречающие живой отклик и обостренный интерес у британских философов.

В последующие дни мы обсуждали много разноплановых проблем. Среди них — мораль и общество, социальный, технический, научный и нравственный прогресс, понятие природы и сущности человека и

ее историческое изменение, генезис морали, возможность обоснования коммунистического идеала. Некоторые из этих вопросов под иными углами зрения ранее уже обсуждались нами. В последний день дискуссии мы вновь вернулись к проблеме, с которой началось обсуждение. Тот же самый вопрос был теперь поставлен несколько иначе.

Какова социальная и нравственная ответственность философа морали в обществе? Допустим, что этот философ, будучи гражданином и моральной личностью, как и все люди, имеет определенные политические убеждения, участвует в общественной деятельности, в своей жизни определенным образом решает свои нравственные проблемы (что это должно быть так, соглашались все). Но затрагивает ли эта ответственность и область собственно теоретических позиций философа? Что несет людям его моральная философия? Какой нравственно значимый смысл и пафос содержит в себе его концепция морали? Иными словами, может ли философ как ученый, мыслитель, специалист по этике предложить людям какое-то принципиальное, обобщенное (разумеется, не притязающее на дидактическое нравоучение и готовое решение каждой частной проблемы) разрешение нравственных проблем эпохи или дать какое-то общее основание для решения более конкретных вопросов? Или же философ, как и всякий другой, решает моральные проблемы только как частное лицо, вне связи со своей теоретической позицией и соответственно только для себя лично?

Задавая этот вопрос своим британским коллегам, мы имели в виду все наши предшествующие споры и ту скептическую позицию, которая все время противопоставлялась нашим утверждениям о научно-практической значимости и возможностях теоретической этики. Нам ответили приблизительно следующее. Философский скепсис относительно возможности рационального обоснования моральных суждений, относительно объективных свидетельств в пользу исключительной правомерности одной из нравственных позиций, сталкивающихся в современном мире, воздержание философии морали от нравственных утверждений есть признание суверенной свободы каждого выбирать свою собственную позицию; это — предостережение против попыток одних навязывать свои убеждения другим, своеобразная гарантия или спасение от морального авторитаризма.

Понимая истоки подобной постановки вопроса (связанные со своеобразным положением и позицией либерально мыслящего интеллигента в западном мире), мы вместе с тем довольно резко высказались против такого понимания проблемы свободы и

авторитаризма. По нашему мнению, совершенно незаконно смешивать свободу морального выбора с принципиальной невозможностью достижения единственно правильного решения. Авторитаризм в морали отнюдь не равнозначен признанию единой истины и возможности объективно-рационального ее обоснования, скорее как раз напротив, «навязывает» свои предпочтения другим тот, кто отбрасывает все рациональные аргументы и прибегает к скрытой психоманипуляции или явному волевому давлению. Свобода выбора в морали имеет в конечном итоге тот смысл, что каждый должен сам найти, признать и обосновать правильную позицию, за что он и ответствен. В противном случае, если любое личное решение в равной степени правомерно, моральный выбор просто не имеет смысла, и в вопросах нравственности нечего решать. Этический волюнтаризм дезориентирует человека в сложном современном мире, где сталкиваются между собой противоположные моральные позиции, а личная установка на произвольность нравственных принципов в конце концов делает человека бессильным против столь часто навязываемых ему антигуманных принципов.

Читатель предыдущих отчетов о наших дискуссиях может заметить, что происходившее обсуждение постоянно возвращалось к кардинальным этическим проблемам, возникавшим и ранее, — о соотношении объективной истины и субъективной позиции в морали, классового и общечеловеческого, познания и оценки, истории как объективно-закономерного процесса и ценностных критериев как способа морального воззрения на историю.

Наши поездки в различные университеты Англии имели несколько иной характер и значение. Мы убедились, что происходившие дискуссии, несмотря на довольно ограниченное число их непосредственных участников, вызвали достаточный резонанс в университетах, в том числе в крупнейшем центре философской мысли современной Англии Оксфорде, что выразилось в повышенном интересе к нашей группе.

Чтобы объяснить этот интерес, надо, конечно, выйти за границы довольно частного события, каким была наша трехкратная дискуссия, и попытаться разобраться в той уникальной ситуации, которая сейчас создалась в британской философии морали. Аналитико-лингвистическая этика, безусловно, господствовавшая на островах в течение полутора десятка лет, в настоящее время переживает острый кризис, подвергается критике, но как бы изнутри, с позиций, мало отличающихся от глубоко укоренившейся в умах философов методологии английского лингвистического по-

зитивизма. Еще не выдвинуто столь же значимых и развернутых концепций, способных заполнить создавшийся вакуум. Явно преобладает чувство неудовлетворенности формализмом и моральной бессодержательностью, узкой специализацией на «технических» вопросах и неспособностью аналитической философии морали подняться до обсуждения мировоззренческих проблем. Но критика доминирующей традиции, как это ни парадоксально, в основном остается в тенетах «традиционной» методологии, в рамках тех же самых способов постановки и интерпретации вопросов. И это еще более усугубляет самокритические унастроения среди молодых и иных более зрелых преподавателей, не говоря уже о студентах. В этих обстоятельствах в университетах Англии довольно значительно повысился интерес к марксистской философии и этике, — притягательное внимание и пока настороженное, испытывающее отношение к учению марксизма, с которым мы встретились в беседах с учащимися и преподавателями.

И последнее, о чем хотелось бы сказать особо. В том, что такие встречи и дискуссии оказались возможными и плодотворными, большую роль сыграла деятельность Общества Друзей. В организации подобных международных контактов квакеры исходят из глубокого и искреннего убе-

ждения в том, что в обстановке острых идейных и политических конфликтов на уровне социально-классовых и межгосударственных отношений имеют большое значение непосредственно личные встречи, откровенные обсуждения даже самых спорных проблем. И надо сказать, что организаторы наших дискуссий на деле показали, что сами они преследуют именно эти цели. Хорошая организация всех мероприятий, большая забота, проявленная к нам, готовность пойти нам навстречу во всем, что касалось поездок и контактов, создание дружески-доброжелательного климата и в самой дискуссии и во время бесед в университетах — все это также имело большое значение. Не популяризуя широко наши обсуждения (что вполне в традициях квакеров), Общество Друзей вместе с тем смогло привлечь внимание многих философов в университетах к происходившим дискуссиям, переведя на английский язык и разослав материалы о них прошлым и будущим участникам встреч. Все входившие в нашу группу испытывают теплое чувство благодарности лично к Алану Дэвису, секретарю Общества Друзей по европейским связям, который много сделал для того, чтобы наша поездка была интересной и успешной.

О. Г. ДРОБНИЦКИЙ